

Д. В. Руднев, Т. С. Садова
Санкт-Петербург, Россия

ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА НОРМООБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются типы отклонений от литературной нормы, встречающиеся в деловых текстах, и их причины. Делается вывод о том, что отмечаемые отклонения («стилистические аномалии») являются результатом не только речевой безграмотности создателей деловых текстов, но и более общих причин, обусловленных особенностями деловой коммуникации. Целый ряд отмечаемых «аномалий» обусловлен коммуникативными целями, которые реализует деловой стиль — они должны быть описаны и могут быть введены в систему норм литературного языка (например, регулярные отклонения при пунктуационном оформлении деловых текстов). Другие отклонения обусловлены особенностями протекания деловой коммуникации. В связи с этим рассмотрен механизм воздействия деловой коммуникации на возникновение отклонений в деловых текстах. Кроме того, рассмотрены отклонения, которые провоцируются стереотипными представлениями носителей языка об особенностях делового текста. Недостаточное владение авторами судьбоносных документов ясным и точным деловым языком приводит к серьезным проблемам при исполнении таких документов, а зачастую исключает всякую возможность этого исполнения, в связи с чем предлагаются меры борьбы с ошибками в деловом языке: введение экзамена по русскому языку для целого ряда государственных должностей; создание лингвистических служб, которые бы оценивали документы (законы, постановления, рекомендации и др.), обращенные к большому количеству людей, с точки зрения их соответствия нормам литературного языка и с точки зрения понятности; установление ответственности за нарушение Закона о государственном языке Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная коммуникация; деловой стиль; деловой язык; литературный язык; норма; ошибка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Руднев Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, ауд. 195; e-mail: rudnev@mail.ru.

Садова Татьяна Семеновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, ауд. 195; e-mail: tatsad_90@mail.ru.

О. Каждый носитель русского языка, владеющий письменной речью, хотя бы раз в своей жизни сталкивался с деловыми текстами, в которых явно и очевидно были нарушены нормы литературного языка. В предлагаемой статье будут рассмотрены типы отклонений от литературной нормы, фиксируемые в современном деловом языке, высказаны предположения о причинах встречающихся отклонений и поставлен вопрос о возможности и/или необходимости борьбы с ними.

1. Прежде всего коснемся вопроса об онтологическом статусе делового языка. С точки зрения теории функциональных стилей, сложившейся в отечественной лингвистике во второй половине XX в., деловой язык является функциональным стилем (под разными названиями: *деловой, официально-деловой, официально-документальный, административный, законодательный, официально-канцелярский, канцелярский* и др.) наряду с другими функциональными стилями литературного языка — научным, публицистическим, художественным стилями и разговорной речью (иногда выделяют также рекламный и религиозный стили). В качестве основных стилевых черт делового языка называют предписывающий характер изложения, точность, стандартизованность, имперсональность и нек. др.

Примечательно, что если отнесение разговорной речи и художественного стиля к числу функциональных стилей литературного языка регулярно подвергается сомнению, то

статус делового языка как функционального стиля практически никогда не оспаривался — он входит в так называемую ядерную зону литературного языка. Из этого следует важный вывод практического порядка: нормы литературного языка имеют к деловому языку самое непосредственное отношение.

2. Под литературной нормой понимают «принятые в общественно-языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [Скворцов 1997: 270—271]. Для литературной нормы характерна разная степень устойчивости на разных уровнях языка и в разных условиях общения. Несмотря на то, что норма ограничивает использование изофункциональных языковых средств, в идеале стремясь к закреплению в качестве нормативного единственного варианта, на некоторых участках норма имеет вариативный характер.

Как показывает история развития делового стиля, его нормы отчасти совпадают с общей литературной нормой (например, орфоэпические и морфологические нормы), отчасти не совпадают. Очевидно также и то, что для делового языка характерны довольно существенные отклонения от общелитературной нормы в области словоупотребления и синтаксиса, а также в области оформления письменного текста (орфографические и пунктуационные нормы).

Часть отклонений обусловлена функцией делового языка, обслуживающего — прежде всего — сферу права. «Назначением права как нормативной системы является регулирование отношений в обществе, действий и поведения людей, а также функционирования объединений и государственных органов» [Дускаева, Протопопова 2006: 274]. Следствием этого оказываются такие стилевые черты делового языка, как долженствование и точность. Например, на лексическом уровне требование точности удовлетворяется за счет активного использования терминологии и особой стилистически маркированной фразеологии (так называемых клише), единицы которой, как известно, не являются принадлежностью общелитературного языка, и особенности их значения редко отражаются в толковых словарях.

Необходимость соблюдать точность в деловом тексте ведет к преобразованию синтаксических и связанных с ними пунктуационных норм. Так, необходимость полного и исчерпывающего описания объекта права ведет к резкому увеличению длины предложения за счет перечислительных рядов и конструкций со значением уточнения и пояснения. Отклонение от средней количественной нормы, связанной с длиной предложения в тексте, имеет следствием поиск таких способов представления информации в тексте, которые бы обеспечивали ее точное понимание читателем. В результате этого деловому тексту становятся присущи, во-первых, перегруженность знаками препинания (прежде всего запятыми, точками с запятой, скобками и двоеточиями, причем частотность двоеточия и точки с запятой в деловом тексте значительно выше, чем в иных типах текстов), а во-вторых, привлечение дополнительных, периферийных пунктуационных средств (рубрикация, особенности абзацного членения, пространственное положение текста на странице и др.).

В справочной литературе отсутствует полное описание особенностей пунктуационного оформления деловых текстов: изредка в специальных разделах даются особенности рубрицирования (например: [Рахманин 1988: 208—234; Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 282—286]), некоторые сведения предлагаются попутно — например, сведения о том, что в деловых текстах «двоеточие может ставиться перед перечислением и при отсутствии обобщающего слова» [Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 194]. Однако целый ряд особенностей пунктуационного оформления деловых текстов в справочной литературе отсутствует вовсе. Наиболее ярким приме-

ром последнего является оформление адресов с использованием двоеточия после слова «адрес», видимо, в рамках этого жанра приобретающего своеобразный статус обобщающего слова, и запятых после самостоятельного элемента текста, например: *Гражданка Иванова проживает по адресу: г. Москва, Ленинградский пр., д. 15, кв. 7.*

Перед лингвистами и педагогами стоит задача исчерпывающе описать материал, связанный со всякого рода отклонениями от норм, и, что не менее важно, обобщить его и осмыслить теоретически. Необходимо объяснить, почему такие отклонения являются устойчивыми, почему языковая система и речевая практика «не сопротивляются» установлению узкостилистических норм делового языка, что влияет на их закрепление — прагматика или возможности самой системы.

Если говорить о том, как носителям литературного языка следует относиться к рассматриваемым отклонениям, то здесь, видимо, необходимо различать функционально (и жанрово) оправданные отклонения и такие нарушения норм, которые зачастую ведут к осложнению деловой коммуникации. Избыточную автономизацию деловой нормы, искусственность и речевую нелепость многих «придумок» делового стиля в свое время Я. К. Грот назвал «противными как духу русского языка, так и грамматике», а А. П. Чехов вовсе не признавал языка канцелярии: «Какая гадость чиновничий язык! <...> И все это без всякой надобности! <...> Я читаю и отплевываюсь. Этакая духота» (цит. по: [Колесов 1998: 19—20]).

3. Очевидно, что далеко не все отклонения от норм литературного языка, встречающиеся в деловом языке, имеют своим источником реализуемую им коммуникативную цель. Часть из них является следствием особенностей протекания деловой коммуникации, которую обслуживает деловой язык. Деловая коммуникация является ядром государственной коммуникации, под которой понимается один из «аспектов коммуникативного взаимодействия власти и общества, направленный на формирование постоянного конструктивного диалога с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности» [Громова 2002: 43]. Государственная коммуникация, как известно, выполняет в обществе различные функции: консервативную, координирующую, интегрирующую, мобилизационную, которые имеют «неодинаковое значение в различные периоды существования того или иного государства» [Громова 2002: 48].

Как любой вид коммуникации, государ-

ственная нуждается в собственном речевом коде для своего осуществления. «Чтобы государство могло возникнуть и существовать как организация, его члены должны не только обмениваться между собой определенной информацией, но и понимать ее. Они могут владеть различными языками, но один из них должен быть общим (единым) для всех членов данного государства или, по крайней мере, для большей их части» [Гомеров 2002: 479].

В Российской Федерации языком, при помощи которого осуществляется общегосударственная коммуникация, является русский. Статус русского языка как государственного закреплен Федеральным законом от 1 июня 2005 г. № 53 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее — Закон). Сферы употребления государственного языка, перечисленные в ст. 3 Закона, не оставляют сомнения в том, что ядром государственного языка является деловой язык: с использованием делового языка связаны сферы, указанные в пп. 1, 2, 4—8, отчасти 3 («при подготовке и проведении выборов и референдумов»), и лишь сферы, указанные в пп. 9 и 10 (деятельность СМИ и реклама), с ним не связаны. Поэтому п. 3 и п. 6 ст. 1, касающиеся норм русского литературного языка при его использовании в качестве государственного, имеют особую важность применительно к деловому языку. Приведем их полностью:

(п. 3) *Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.*

(п. 6) *При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.*

Согласно п. 3, государственный язык РФ — это русский литературный язык. Литературному языку присуща такая черта, как «общеобязательность норм и их кодификация» [Бельчиков 1997: 222]. Между тем п. 3 оговаривает особый порядок утверждения норм, из чего можно сделать вывод о том, что либо на государственный язык не распространяются нормы литературного языка, либо государственный язык предполагает особый порядок выработки и фиксации норм литературного языка. В результате подобной

формулировки может возникнуть сомнение в том, что государственный и литературный язык — это одно и то же.

Прямым следствием терминологического хаоса, обнаруживающегося в тексте Закона, является п. 6. Наличие этого пункта было бы лишним, если бы государственный и литературный язык отождествлялись, поскольку в литературном языке и не должно «допускаться использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка». Упоминание в этом пункте «нецензурной брани» и «иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке», вообще имеет анекдотический характер, о чем уже неоднократно говорили многие лингвисты [Стернин 2010; Кушнерук 2012 и др.].

23 ноября 2006 г. было подписано постановление Правительства Российской Федерации № 714 г. «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации». В тексте Постановления была предложена сомнительная дефиниция норм русского языка как государственного — «закольцованное» определение так и не прояснило природы и сущности этих норм:

При этом под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации (выделено нами. — Д. Р., Т. С.).

Постановление противоречиво определяет также источник норм государственного языка: с одной стороны, это «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка», с другой — «совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Любому лингвисту известно, что грамматики, словари и справочники не «содержат», а фиксируют нормы, однако это можно списать на профессиональную небрежность авторов Закона. Важнее другой вопрос: если употребление языковых единиц в государственном языке не фиксируется в утвержденных правительством словарях и грамматиках, то как оценивать их использование с точки зрения Закона? Приказ Министерства образования и науки Российской

Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» содержит лишь четыре лингвистических справочника: 1) Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 2) Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 3) Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008); 4) Телля В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008).

С 2009 г. этот список не пополнялся. К настоящему моменту рекомендованы в качестве источника для лингвистического обеспечения Закона о русском языке как государственном 47 справочных пособий [Вербицкая 2015], однако законодательно эти пособия не утверждены.

4. Как представляется, попытки законодателей в одних случаях отождествлять государственный язык и его нормы с литературным языком и его нормами, в других — противопоставлять их, имеют более глубокую причину, чем просто небрежное использование лингвистической терминологии. История развития русского языка показывает, что деловой язык и литературный язык и их нормы могут довольно существенно расходиться. Представление о деловом языке как части литературного языка является поздним и не отражает ситуацию, существовавшую, например, в русском языке XVIII в.

Литературный язык формируется с середины XVIII в. во многом как следствие переводческой, издательской и ученой деятельности в рамках новой, европеизированной культуры. Деловые тексты этой эпохи были противопоставлены литературным текстам по многим параметрам — по способу графического оформления (скоропись), по используемым морфологическим, синтаксическим, орфографическим, пунктуационным нормам. Лишь в первой трети XIX в. деловой язык сближается с литературным языком через усвоение норм последнего.

Смена норм делового языка была обусловлена процессом (в свою очередь распадающимся на ряд этапов), который можно назвать огосударствлением литературного языка. Начальным этапом стало оформление указов, исходящих от верховной власти, при помощи типографской печати и с ис-

пользованием норм, разработанных для печатных текстов. Печатные указы запустили процесс трансформации рукописной деловой письменности, и к рубежу XVIII—XIX вв. даже почерки, при помощи которых оформлялись деловые тексты, сближаются с печатными шрифтами. Трансформации подверглась морфологическая система и орфография деловых текстов.

Министерская реформа поставила точку в процессе распространения на деловые тексты норм литературного языка. Во-первых, руководители новообразованных министерств отчетливо противопоставляли себя старой коллежской системе не только в отношении приемов управления, но и в отношении используемого языкового кода: начинается активное насаждение нового делового языка на основе языка литературного. Вертикальный характер деловой коммуникации способствовал быстрому распространению новой манеры делового письма.

Во-вторых, важнейшим стимулом к распространению нового делового письма стала реформа образования 1802 г. В результате реформы было образовано министерство народного просвещения и шесть учебных округов: во главе округов стояли университеты, им подчинялись гимназии, гимназиям — уездные училища. Централизация системы образования поставила вопрос о языке (и его нормах), который должен был использоваться как инструмент и как предмет обучения. Таким языком стал литературный язык, результат деятельности ученых — литературный язык присваивается государством, становясь кодом государственной коммуникации.

В-третьих, окончательный отказ от старой деловой традиции происходит в результате реформы государственной службы М. М. Сперанского. 6 августа 1809 г. был утвержден подготовленный Сперанским именным указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указ устанавливал образовательный ценз для продвижения чиновников по служебной лестнице. Отныне условием для производства в чин коллежского асессора (VIII класс), дававшего право на личное дворянство, наряду с выслугой и одобрением начальства, стало обучение в одном из университетов Российской империи или сдача там специального экзамена (подробнее см.: [Баженова, Зипунникова 2009]). Специальный экзамен проводился в университетах и включал четыре предмета испытаний: «науки словесные», «правоведение», «науки исторические»

и «науки математические и физические». Требования к «наукам словесным» включали в себя «грамматическое познание российского языка и правильное на оном сочинение. Познание, по крайней мере, одного языка иностранного и удобность перелагать с оного на российский» [ПСЗ, 30: 1056].

История становления современного делового языка показывает, что его трансформация происходила отнюдь не естественным образом, а в результате активнейшего вмешательства государства.

5. Распространение на деловой язык норм литературного языка не означает, что нормы литературного языка обязательно воспроизводятся во всей их полноте в деловой речи. Нормы литературного языка имеют главным образом эксплицитный характер, между тем нормы делового языка имеют не только эксплицитный, общелитературный, но и в значительной мере имплицитный характер: при порождении новых текстов их авторы ориентируются на предшествующие тексты. Имплицитные нормы деловой коммуникации могут вступать в конфликт с эксплицитными, литературными нормами.

Влияние имплицитных, текстовых норм в деловой коммуникации обусловлено различными причинами, из которых самой главной являются особенности протекания деловой коммуникации. Деловая коммуникация представляет собой разновидность письменного диалога, в котором реплике-высказыванию живой речи соответствует документ, воплощающий тот или иной деловой жанр [Лобашевская 2007: 27—32]. Письменное деловое общение строится на основе так называемого прескриптивного диалога, для которого характерны такие черты, как осуществление диалога в целях инициатора; существование пресуппозиции права на требование и возможности его выполнения адресатом; присутствие жестко запрограммированной реакции на сообщение (программистом выступает адресант, исполнителем — адресат); деперсонифицированность адресата (адресаты представлены социальными моделями).

Запрограммированность ответной реплики и использование в ее качестве документа определенного жанра ведет к воспроизводству в документах устойчивых речевых формул, к клишированности. А. С. Пиголкин называет эту черту «стабильностью юридической формы» [Язык закона 1990: 51].

Направление движения делового текста в ходе документооборота может быть различным: движение деловых текстов может происходить либо по вертикали — нисходящая коммуникация (от вышестоящих органов

власти к нижестоящим) и восходящая коммуникация (от нижестоящих органов власти к вышестоящим), либо по горизонтали (между коммуникантами, не находящимися друг у друга в зависимости). На формирование речевой деловой культуры огромное влияние оказывает нисходящая коммуникация: «...документные тексты внутригосударственной нисходящей коммуникации обладают огромным влиянием на речевую культуру граждан страны» [Татарникова 2015: 141]. Это обусловлено как авторитетностью текста-стимула, направленного подчиненным, так и тем, что такой текст часто полностью или частично цитируется документами, разрабатываемыми на его основе.

Появление ошибки или отклонения в тексте-стимуле, исходящем «сверху», ведет к тому, что погрешность воспроизводится в последующих текстах. Апелляция подчиненных к нарушению литературных норм в таком случае оказывается затруднительной или даже невозможной. Ничего подобного не встречается в других типах коммуникации — научной, публицистической, художественной, устно-разговорной: прецедентные тексты, содержащие ошибку или отклонение от норм, не оказывают существенного влияния на тексты, появившиеся под их влиянием, в вопросе соблюдения норм литературного языка.

Проиллюстрируем это утверждение весьма курьезной ошибкой, допущенной в тексте Устава СПбГУ. Разработчики Устава в силу ряда причин в п. 47 указали, что для дисциплин и видов работы, по которым формой итогового либо промежуточного контроля является зачет, устанавливаются оценки «зачтено» и «незачтено» (так!). Устав, несмотря на очевидную орфографическую ошибку («незачтено» вместо «не зачтено»), был утвержден постановлением Правительства РФ № 1241 от 31 декабря 2010. С юридической точки зрения, с этого момента все положения Устава должны были исполняться неукоснительно. Обращение преподавателей-филологов в администрацию СПбГУ с указанием на ошибочность такого написания первоначально не имело результата (см. разъяснение начальника юридического отдела СПбГУ [Корректность написания оценки «не зачтено»...], к которому в 2016 г. было добавлено «дополнение»). На основе Устава (в этой редакции) в течение пяти лет издавались локальные нормативные акты, в которых от преподавателей требовалось использовать ненормативное с позиций литературного языка написание «незачтено». Например: 4.3.1. Оценка „зачтено“ *представляется преподавателем в зачетной*

ведомости (протоколе заседания аттестационной комиссии) и в правой стороне зачетной книжки. Оценка „**незачтено**“ представляется только в зачетной ведомости (протоколе заседания аттестационной комиссии); 5.1. Академической задолженностью признается получение студентом одной или более оценок „**незачтено**“ или „**неудовлетворительно**“ [Правила обучения по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования в Санкт-Петербургском государственном университете (Приложение к приказу Ректора от 16.08.2012 № 3480/1)].

В 2015 г. была утверждена новая редакция Устава СПбГУ (Постановление Правительства РФ от 16.06.2015 № 594), где написание «незачтено» было изменено на нормативное «не зачтено». Вслед за этим администрация СПбГУ приняла локальные нормативные акты, отменявшие прежние постановления. Этот пример, при всей его парадоксальности и курьезности, показывает, что ошибка, допущенная в уставных документах, может иметь далеко идущие последствия. Возможность таких ошибок была всегда, однако в наше время, когда между черновиком документа и его окончательной версией нет инстанции, которая могла бы проверить грамотность текста, появление и воспроизводство даже единожды совершенной ошибки приобретает массовый характер. До появления принтера такой инстанцией была машинистка, от которой требовалась грамотность и естественные корректорские навыки, а еще ранее — секретарь, имевший неукоснительную обязанность проверять рукопись любого документа на предмет «правильного на российском языке сочинения».

В качестве другого примера приведем текст присяги, утвержденный Государственной думой 12 июля 2017 г.:

Я, Ф. И. О., добровольно и осознанно принимая гражданство Российской Федерации, клянусь: соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы её граждан; исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Российской Федерации; быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции» [Госдума утвердила текст присяги... 12.07.2017].

По словам председателя Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинникова, «текст лаконичный, он позволяет говорить человеку о том, что он будет

соблюдать Конституцию и российское законодательство, будет уважать традиции, историю, обычаи, которые существуют в Российской Федерации» [Госдума утвердила текст присяги... 12.07.2017]. При этом очевидно, что в тексте присяги присутствуют существенные погрешности по части «классических норм» русского литературного языка: в нем выявляются различные неточности, связанные с лексической сочетаемостью. Укажем лишь на две из них:

1) сочетание «соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы её граждан» ошибочно с позиций семантической связанности. Дело в том, что глагол «соблюдать» многозначен; словари выделяют у него несколько значений, основными из которых являются два: 'строго придерживаться, выполнять что-либо в точности' и 'охранять, беречь что-л., блюсти' [МАС, 4: 170]. В сочетании с существительными «Конституция» и «законодательство» реализуется первое значение глагола «соблюдать» ('выполнять'), в сочетании с существительными «права» и «свободы» — второе значение ('охранять'). В результате соединения в один ряд существительных, в сочетании с которыми глагол «соблюдать» реализует разное значение, во-первых, нарушается такая стилевая черта делового языка, как точность; во-вторых, создается каламбурное сочетание, неуместное в деловом тексте (и напоминающее фразы типа *Я пил чай с лимоном, с женой и с удовольствием*). В научной литературе такой прием нарушения сочетаемости подводится под разные стилистические фигуры — каламбур, зевгма, силлепс). Конечно, можно сослаться в этом случае на семантический синкретизм старого русского глагола (*блюсти*), возможный для текстов символического содержания, однако для современного русского языка, **блюсти** литературную норму которого нас призывает Закон, такое сочетание вряд ли уместно. Авторам, возможно, следовало бы иначе сформулировать свою мысль, а не стремиться к исключительной краткости (хотя лаконичность, и в этом П. В. Крашенинников прав, есть весьма желаемый признак любого документа), например: «соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, **уважать** права и свободы её граждан».

2) В сочетании «исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества» избыточным выглядит оборот «на благо государства и общества». (Любопытно, что чаще это достаточно употребляемое клише используют с иным порядком слов «общество» и «госу-

дарство», как бы подчеркивая значимость одного относительно другого: «на благо **общества и государства**». Например: *Отдавать частицу себя на благо общества и государства — с таким настроем Вера Юрьевна Шokol выполняет свою нелегкую и ответственную работу* [18 лет службы на благо общества и государства, 02.10.2017...].) В данном же случае уместнее и, кстати, лаконичнее было бы добавить лишь слово «добросовестно».

Обязанность — 'то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-л. согласно закону или общественным требованиям или внутреннему побуждению, долг' [МАС, 2: 582]. Указание на цель выполнения обязанности представляется плеонастичным: а во имя чего человек-гражданин вообще исполняет свой долг и иные обязанности?

Разумеется, эти и иные лексические неточности будут многократно воспроизводиться — таков характер деловой (особенно — документной) коммуникации.

6. Проблема отклонений от литературных норм в деловой коммуникации может выходить за пределы собственно деловых текстов. Сформировавшаяся в деловых текстах имплицитная норма может вступать в конкуренцию с литературной нормой, стремясь вытеснить последнюю не только из деловой коммуникации, но и в иных типах текстов. Это явление наблюдается в сфере номинации как при создании, так и при оформлении наименований.

Одним из типичных явлений делового языка является неправильное употребление прописных букв: многие учреждения предписывают употребление прописных букв, когда речь идет о различных подразделениях, должностных лицах и т. д., хотя правила русской орфографии и пунктуации предписывают в этом случае употребление строчных букв [Правила русской орфографии и пунктуации 2011: 144—166]. Эта особенность делового языка имеет давнюю историю. Еще в 1857 г. Н. В. Варадинов отмечал, что в канцелярском слоге прописные буквы употребляются не только нормативно (в начале новой строки и при употреблении имен собственных), но и ненормативно: ими означаются «сверх того, каждое присутствующее лицо, каждая должность и чин с их титулами, существительные, заменяющие то и другое...». Автор объяснял эту особенность тем, что в таких случаях «самою буквою, так сказать, должно быть показано значение места или лица» [Варадинов 1857: 155].

Наверное, эту особенность делового языка можно было бы признать вполне до-

пустимой, если бы написание некоторых слов не расшатывало литературную норму. Речь идет о названии высших учреждений и должностей. Высшие органы власти и должностные лица, стремясь показать свою значимость «самою буквою, так сказать», при именовании себя используют исключительно прописные буквы, причем если речь идет о составных наименованиях, то каждое слово пишется с прописной буквы. Учитывая значимость документов, исходящих от высших органов власти, такие наименования проникают за пределы деловой коммуникации и постепенно становятся нормативными. Орфографическая комиссия РАН регулярно рассматривает вопрос о признании нормативным употребления прописной буквы у новых слов этой сферы. Так, 14 мая 2017 г. на ее заседании обсуждался вопрос о правописании сочетаний *Государственная дума / Государственная Дума* и *Федеральное собрание / Федеральное Собрание*. Под влиянием текстов, исходящих от властей, написание *Государственная Дума* и *Федеральное Собрание*, тиражируемое многочисленными официальными текстами и новостными текстами СМИ, вытесняет старое написание, соответствующее прежним орфографическим нормам русского языка.

7. В деловой коммуникации создаются многие номинации, отсутствующие или малоупотребимые в иных видах текстов. Так, литературное слово «студент» заменяется на труднопроизносимое слово «обучающийся», а «абитуриент» — на «поступающий в высшее учебное заведение». Названия многих учебных заведений и научных учреждений вместо привычного облика (имевшего больше символический статус, чем информативный, например: МГУ, МГИМО, ЛГУ и под.) приобрели многословный неудобопроизносимый, но при этом малосодержательный и непривлекательный вид: *Воронежский государственный университет* стал называться (и это наименование воспроизводится во всех документах) как *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»*; или еще более чудовищно — особенно на слух — *ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*. А *Институт языкознания — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкознания Российской академии наук»*. Подобные лингвистические опыты чиновников, возможно, имеющих свой «автономный взгляд» на проблемы именования учебных (и не только) учреждений, ведут к тотальной путанице и неизбежным

ошибкам в процессе воспроизводства этих громоздких названий в заявлениях, рапортах, служебных и иных повседневных документах работников этих заведений.

Широкое употребление таких тяжеловесных наименований не имеет никакого смысла, так как функция имени собственного — идентифицировать объект, о котором идет речь в тексте, и группа приложения к нему не способствует повышению эффективности общения. Наоборот, такие номинации приносят несомненный вред, ведя к разрушению нормальной коммуникации, поскольку пользователи языка отторгают такие искусственные образования, неоправданно увеличивающие объем текста. (Использование таких номинаций может расцениваться как нарушение двух максим Г. Грайса — максимы релевантности и максимы количества.) Более того, речевое насилие со стороны подобных сконструированных норм деловой коммуникации создает условия для возникновения зоны отчуждения между государством и рядовым гражданином, что уже не столь невинно, как кажется на первый взгляд.

Некоторые номинации деловой сферы проникают за ее пределы и, попадая в литературную и разговорную речь, вызывают появление так называемого канцелярита. Передаточным звеном, способствующим проникновению деловых номинаций в иные коммуникативные сферы языка, являются средства массовой информации. Деловая речь является источником ряда номинаций, имеющих «канцелярское значение»: *население, мероприятие, позиция, отсутствие, выдвижение, голосование* и мн. др.

8. Отдельно остановимся на употреблении отглагольных существительных в деловой коммуникации. Их широкое распространение в деловых текстах связано с реализацией такой стилиевой черты, как имперсональность: являясь грамматическими дериватами личных форм глагола, отглагольные существительные представляют действие обобщенно — в отвлечении от лица и времени.

Однако злоупотребление отглагольными существительными в тексте может вступать в противоречие с другой стилиевой чертой делового языка — точностью (*точность* — «высокая степень строгости, полноты соответствия чему-л. в действительности» [БАС, 15: 745]). Обычно, говоря о точности, подразумевают точность выражения, т. е. оценивают эту черту с позиции адресанта. Между тем точность должна оцениваться также и с позиций адресата как точность понимания.

Отглагольное существительное имеет не только достоинства, но и недостатки, кото-

рые подробно описал А. М. Пешковский еще в 1925 г. в статье «Глагольность как выразительное средство» [Пешковский 1959]. Сравнивая глагол и отглагольное существительное, он отмечал: «Главное достоинство глагола — способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой. <...> Отглагольные существительные за редкими исключениями не разделяют этих достоинств. Поэтому речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная» [Пешковский 1959: 111]. Свою статью Пешковский завершал показательным лозунгом: «Назад к глаголу!»

Отсутствие синтаксической перспективы и сопутствующие этому трудности понимания текста особенно ощущаются при нанизывании отглагольных существительных: приходится долго вчитываться в такую фразу, прежде чем проявится ее смысл. «Глагол рассеивает одинаковые падежи, вносит новые отношения между словами и делает ясной зависимость между членами предложений, очищает речь от лишних слов. Глагол управляет различными падежами, тогда как существительное по большей части требует родительного падежа <...>. Наконец, только глагольные формы управляют словами легко, без затемнения смысла, тогда как, напр., прилагательные, без применения особых интонационных средств (обособление), на это совершенно неспособны, а существительные делают это лишь с большим уроном для ясности мысли (сравн. такие ряды последовательно управляемых родительных, как „значение признания необходимости введения ... и т. д.“, являющиеся настоящим бедствием в нашем газетном языке)», — пишет П. В. Верховской [Верховской 1930: 108], настаивая на том, что в деловых текстах глагол должен восстановить свои права.

Если проблема нанизывания отглагольных существительных хорошо освещена в литературе, посвященной культуре речи, то иной аспект обычно упускается из виду. В глазах пользователей делового языка отглагольные существительные являются одним из его конституирующих признаков. Давление этого представления приводит к тому, что в деловых текстах часто употребляются отглагольные существительные, отсутствующие в словарях и относящиеся к числу потенциальных слов языка. «...Потен-

циальными называются слова, которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов» [Земская 2013: 228]. Это явление далеко не новое в деловой речи; ср.: «...без *намордников*, *лишающих их возможности учинить укушение* (из Обязат. Постановл. сапожковской городской думы о намордниках для собак)» [Пешковский 1959: 102], «*Надежное поручительство в неоплутке* (Св. зак.); Когда должник объявил себя сам в *неоплатности* (Св. зак.); *Должник не имел возможности отметить по своим книгам выдачу мне векселя, почему незаписка векселя не может повлечь за собою признания иска спорным* (старый образец искового прошения); *Вопрос об уделении вам части наших поручений на Саратов мы оставляем покамест открытым* (у Вейцмана из образца письма к комисионеру)» [Верховской 1930: 110].

Наше время дает многочисленные примеры подобной «изобретательности» (П. В. Верховской), например: *Из-за непогоды в столице возможны затруднение движения транспорта и ДТП, повреждения линий электропередач, повал деревьев, повреждение кровель домов* [Москвичей предупредили...]; *Уважаемые пассажиры! В случае отстоя водителей на остановках, просим сообщать по тел. ...* [объявление в салонах маршрутных такси Санкт-Петербурга, осень 2017 г.].

Учитывая, с одной стороны, тонкую грань, отделяющую нормативные отглагольные существительные от ненормативных, а с другой — трудность организации понятных для восприятия фраз, включающих отглагольные существительные, можно говорить о том, что правильное их употребление в деловом тексте является важным показателем хорошего владения языком.

Выводы. Необходимо ли бороться с отклонениями от литературных норм в деловом языке и если да, то в какой мере и каким образом? Попытаться ответить на этот вопрос отчасти можно с точки зрения того языкового уровня, где наблюдаются отклонения.

Регулярные отклонения при пунктуационном оформлении деловых текстов могут считаться допустимыми, поскольку они отражают, во-первых, особенности синтаксического устройства делового текста (перечислительные ряды различной длины и глубины) и, во-вторых, необходимость таким образом оформить текст, чтобы он был однозначно понят адресатом. Отклонения на уровне пунктуации необходимо описывать, обобщать и вводить в нормативное поле.

Отклонения на морфологическом уровне следует квалифицировать как недопустимые, так как эти нормы обеспечивают ясность содержания, облекаемого в грамматические формы. А ясность — важнейший категориальный признак деловой речи. Многочисленные нарушения, встречающиеся в современных деловых текстах, нет необходимости перечислять: достаточно посмотреть справочник Д. Э. Розенталя ([Розенталя 1965] и последующие издания).

Отклонения от лексических норм в одних случаях можно считать допустимыми — когда речь идет, например, о создании специальных терминов (что неизбежно с развитием деловой сферы), однако в большинстве случаев такие нарушения откровенно вредны, поскольку часто недостаточное владение авторами судьбоносных документов ясным и точным деловым языком приводит к серьезным проблемам при его исполнении, а зачастую исключает всякую возможность этого исполнения.

Меры борьбы с ошибками в деловом языке могут быть различными. Во-первых, для целого ряда государственных должностей (например, депутатов) возможно и даже необходимо введение экзамена по русскому языку. Кажется, это уже понимают многие государственные деятели [Государственные служащие и топ-менеджеры...]. Во-вторых, в высших органах власти бесполезно было бы создание лингвистических служб, которые бы оценивали документы (законы, постановления, рекомендации и др.), обращенные к большому количеству людей, с точки зрения их соответствия нормам литературного языка и — что еще важнее — с точки зрения понятности. Проблема понимания государственных документов всех уровней стоит в нашем обществе очень остро. В-третьих, закон «О государственном языке Российской Федерации» предстоит усовершенствовать и лингвистически, и юридически, сделав его действующим механизмом для исполнения норм литературного языка — хотя бы в деловой коммуникации. Назрела необходимость не только разработать лингвистическое обеспечение этого Закона, но и установить ответственность за его нарушение вплоть до запрета занимать государственные должности лицам, не имеющим навыков грамотного общения с гражданами как в устной, так и в письменной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. 18 лет службы на благо общества и государства [Электронный ресурс] // Новости ФССП России. 2017. 2 окт. URL: <https://fssp.rf.ru/news/229226-18-let-službyi-na.html> (дата обращения: 12.10.2017).
2. Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. «Все части государственного служения требуют сведущих исполнителей...»: к

200-летию указа об экзаменах на гражданские чины // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 178—184.

3. Бельчиков Ю. А. Литературный язык // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая советская энцикл. : Дрофа, 1997. С. 221—223.

4. Варадинов Н. В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и единоличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. — СПб. : [С. П. Лоскутов], 1857.

5. Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. 2015. Vol. 4. № 2. С. 90—97.

6. Верховской П. В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов. — М. : Техника управления, 1930. 201 с.

7. Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. — М. : Изд-во ЮЭКЭ, 2002. 832 с.

8. Госдума утвердила текст присяги при приеме в гражданство России [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. 12 июля. URL: <https://rg.ru/2017/07/12/gosduma-utverdila-tekst-prisiagi-pri-prieme-v-grazhdanstvo-rossii.html> (дата обращения: 12.10.2017).

9. Государственные служащие и топ-менеджеры будут сдавать экзамен по русскому языку [Электронный ресурс] // Planet Today. 2015. 4 июня. URL: <http://planet-today.ru/news/obshchestvo/item/10921-gosudarstvennye-služhaschie-i-top-menedzhery-budut-sdavay-ekzamen-po-russkomu-yazyku> (дата обращения: 12.10.2017).

10. Громова Т. Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. 2002. Вып. 1. С. 43—52.

11. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2006. С. 273—277.

12. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. 8-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2013. 328 с.

13. Колесов В. В. Русская речь: вчера. Сегодня. Завтра. — СПб. : Юна, 1998. 247 с.

14. Корректность написания оценки «не зачтено» [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://guestbook.spbu.ru/upravleniya/penov-yurij-vitalevich/7567-korrektnost-napisaniya-otsenki-neza-chteno.html> (дата обращения: 12.10.2017).

15. Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть 1) // Научный диалог. 2012. Филология. № 12. С. 111—123.

16. Лобашевская И. С. Жанры официально-деловой речи. — Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2007. 91 с.

17. Москвичей предупредили о надвигающейся грозе с градом и шквальным ветром [Электронный ресурс] // Росбалт. 2017. 12 июля. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/07/12/1629929.html> (дата обращения: 12.10.2017).

18. Пешковский А. М. Глагол как выразительное средство // Избр. тр. / А. М. Пешковский. — М. : Гос. учеб.-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. С. 101—111.

19. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 30 (1808—1809). — СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. = ПСЗ, 30.

20. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 432 с.

21. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. 3-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 1988. 238 с.

22. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М. : Высшая школа, 1965. 355 с.

23. Скворцов Л. И. Норма // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая советская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 270—272.

24. Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 61—65.

25. Татарникова Н. М. Влияние государственной коммуникации на культуру речи общества // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2 (20). С. 141.

26. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Юридическая литература, 1990. 192 с.

СЛОВАРИ

27. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (К — О). Изд. 3-е, стер. — М. : Рус. яз., 1986. 736 с. = МАС, 2.

28. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (С — Я). Изд. 3-е, стер. — М. : Рус. яз., 1988. 795 с. = МАС, 4.

29. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 15. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 1286 стлб. = БАС, 15.

D. V. Rudnev, T. S. Sadova
St. Petersburg, Russia

OFFICIAL LANGUAGE AS THE BASIS OF STATE COMMUNICATION: TO THE PROBLEM OF NORMALIZATION

ABSTRACT. The paper describes the types and the reasons for violation of the literary standard of Russian in official texts. It is concluded that violations of the standard ("stylistic deviation") are the result of not only illiteracy of the officials, but they are also caused by the type of communication in general. A number of deviations are caused by communicative goals of official style – these deviations must be described and even included in the literary standard (for example frequent deviation of punctuation in official documents). Other deviations are caused by the peculiarities of official communication. In this connection we described the mechanism of influence of official communication on the appearance of deviations in official texts. Besides, we analyzed deviations caused by the stereotypes about official texts existing in the minds of the native speakers. Lack of knowledge of the literary norms of official language leads to mistakes in the documents that make it impossible to interpret the document in a proper way. To eliminate such mistakes certain measures may help: exam in the Russian language for public officers; establishment of linguistic services to check the documents addressed to many people (laws, statements, recommendations, prescriptions, etc.) from the point of view of their conformity to the rules of the Russian language and from the point of view of clearness; legal responsibility for violation of the Law on the State Language of the Russian Federation.

KEYWORDS: communication on the state level; official style; official language; literary language; norm; error.

ABOUT THE AUTHORS: Rudnev Dmitry Vladimirovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Sadova Tatyana Semyonovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. 18 let sluzhby na blago obshchestva i gosudarstva [Elektronnyy resurs] // Novosti FSSP Rossii. 2017. 2 okt. URL: <https://fssprf.ru/news/229226-18-let-sluzhby-na.html> (дата обращения: 12.10.2017).

2. Bazhenova T. M., Zipunnikova N. N. «Vse chasti gosudarstvennogo sluzheniya trebuyut svedushchikh ispolniteley...»: k 200-letiyu ukaza ob ekzamenakh na grazhdanskii chiny // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2009. № 6. S. 178—184.

3. Bel'chikov Yu. A. Literaturnyy yazyk // Russkiy yazyk :

- entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bol'shaya sovetskaya entsikl. : Drofa, 1997. S. 221—223.
4. Varadinov N. V. Deloproizvodstvo, ili Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugovolnomu, kollegial'nomu i edinolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniyu vsekh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag i k vedeniyu samykh del, s prilozheniem k onym obraztsam i form. — SPb. : [S. P. Loskutov], 1857.
5. Verbitskaya L. A. Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy: sovremennoe sostoyanie i mery po ego ukrepleniyu i razvitiyu // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2015. Vol. 4. № 2. S. 90—97.
6. Verkhovskoy P. V. Pis'mennaya delovaya rech'. Slovar', sintaksis i stil'. Razbor byurokraticheskikh shablonov i narusheniy grammatiki v yazyke dokumentov. — M. : Tekhnika upravleniya, 1930. 201 s.
7. Gomerov I. N. Gosudarstvo i gosudarstvennaya vlast': predposylki, osobennosti, struktura. — M. : Izd-vo YuKEA, 2002. 832 s.
8. Gosduma utverdila tekst prisyagi pri prieme v grazhdanstvo Rossii [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta. 2017. 12 iyulya. URL: <https://rg.ru/2017/07/12/gosduma-utverdila-tekst-prisyagi-pri-prieme-v-grazhdanstvo-rossii.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
9. Gosudarstvennye sluzhashchie i top-menedzhery budut sdavat' ekzamen po russkomu yazyku [Elektronnyy resurs] // Planet Today. 2015. 4 iyunya. URL: <http://planet-today.ru/novosti/ob-shchestvo/item/10921-gosudarstvennye-sluzhaschie-i-top-menedzhery-budut-sdavat-ekzamen-po-russkomu-yazyku> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
10. Gromova T. N. Gosudarstvennaya kommunikatsiya: teoreticheskaya model' i regional'naya praktika // Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya. 2002. Vyp. 1. S. 43—52.
11. Duskaeva L. R., Protopenova O. V. Ofitsial'no-delovoy stil' // Stilisticheskyy entsiklopedicheskyy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2006. S. 273—277.
12. Zemskaya E. A. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovo-obrazovanie : ucheb. posobie. 8-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2013. 328 s.
13. Kolesov V. V. Russkaya rech': vchera. Segodnya. Zavtra. — SPb. : Yuna, 1998. 247 s.
14. Korrektnost' napisaniya otsenki «ne zachteno» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://guestbook.spbu.ru/upravleniya/penov-yurij-vitalevich/7567-korrektnost-napisaniya-otsenki-nezachteno.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
15. Kushneruk S. P. Federal'nyy zakon Rossii o gosudarstvennom yazyke kak ob'ekt dokumentno-lingvisticheskogo analiza (chast' 1) // Nauchnyy dialog. 2012. Filologiya. № 12. S. 111—123.
16. Lobashevskaya I. S. Zhanry ofitsial'no-delovoy rechi. — Petropavlovsk-Kamchatskiy : KamchatGTU, 2007. 91 s.
17. Moskvichey predupredili o nadvigayushcheysya groze s gradom i shkal'nym vetrom [Elektronnyy resurs] // Rosbalt. 2017. 12 iyulya. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/07/12/1629929.html> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
18. Peshkovskiy A. M. Glagol kak vyrazitel'noe sredstvo // Izbr. tr. / A. M. Peshkovskiy. — M. : Gos. ucheb.-pedagogich. izd-vo Min-va prosveshcheniya RSFSR, 1959. S. 101—111.
19. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. T. 30 (1808—1809). — SPb. : Tip. II otd. Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. = PSZ, 30.
20. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskyy spravochnik. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2011. 432 c.
21. Rakhmanin L. V. Stilistika delovoy rechi i redaktirovanie sluzhebnykh dokumentov. 3-e izd., ispr. — M. : Vysshaya shkola, 1988. 238 s.
22. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. — M. : Vysshaya shkola, 1965. 355 s.
23. Skvortsov L. I. Norma // Russkiy yazyk : entsikl. / gl. red. Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya : Drofa, 1997. S. 270—272.
24. Sternin I. A. Gosudarstvo i yazyk // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 61—65.
25. Tatarnikova N. M. Vliyanie gosudarstvennoy kommunikatsii na kul'turu rechi obshchestva // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2015. № 2 (20). S. 141.
26. Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1990. 192 s.
27. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2 (K — O). Izd. 3-e, ster. — M. : Rus. yaz., 1986. 736 s. = MAS, 2.
28. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4 (S — Ya). Izd. 3-e, ster. — M. : Rus. yaz., 1988. 795 s. = MAS, 4.
29. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 15. — M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 1286 stlb. = BAS, 15.